
Глава 33. Церемония наречения прекрасной госпожи

Раннее утро встретило усадьбу легким дуновением ветра, беззвучно играющим с увядающей листвой.

В поместье Абэ-но Сэймэя на улице Цутимикадо царил покой. Хозяин дома стоял на веранде, прислонившись спиной к опорному столбу, и негромко, но глубоко вздыхал.

— Господин, отчего вы вздыхаете? Неужели вас что-то тревожит? — тихо спросила Мицумуси. Она сидела поодаль, благоговейно держа в руках поднос со сладостями.

Сэймэй едва заметно улыбнулся, но в этом жесте сквозила затаенная грусть.

— Все в порядке. Просто... никак не могу решить, как же нам подступить к этой черной лисице.

Он неторопливо потянулся к подносу, взял рисовый пирожок и прожевал его, но тут же поморщился.

— М-да... Слишком приторно. Пожалуй, оставлю эти сладости для Хиромасы. Он непременно явится с минуты на минуту.

Прикрыв глаза, Сэймэй снова оперся о деревянную колонну, погружаясь в легкую полудрему.

Врата, украшенные защитной пентаграммой, с тихим скрипом распахнулись.

— Сэймэй! Сэймэй, ты дома? — еще с порога зычно закричал Хиромаса.

— И почему ты вечно так шумишь, Хиромаса? — привычно нахмурился хозяин усадьбы, приоткрыв один глаз.

Тот, держа в руке лаковый туесок для еды, зашел на веранду и, расплывшись в добродушной улыбке, устроился рядом с ним прямо на дощатом настиле.

— Ха-ха, Сэймэй! Вот и славно, что ты дома. Я так боялся разминуться с тобой, думал, уедешь куда-нибудь по делам. А задержался из-за повара — наказал ему приготовить угощение к чаю, а этот олух напек приторной гадости! Пришлось заставить его всё переделывать. На сей раз никакого сахара, уверяю тебя. И смотри-ка, я раздобыл превосходной икры! Давай же, поешь, пока свежее. Ты в последнее время сам не свой, осунулся весь... Нельзя так изводить себя

заботами.

Сэймэй мягко улыбнулся и принял туюсок из рук гостя. Под резной крышкой действительно красовались аккуратные несладкие закуски, а в самом центре высилась чашечка с темной, лоснящейся икрой.

— Хиромаса, ну зачем было с утра пораньше устраивать нагоняй бедному слуге? Как-никак, он в прошлом дворцовый повар и служит тебе верой и правдой много лет. Он ведь знает, как ты обожаешь сладкое, вот и расстарался, — посмеивался он.

— Так ведь это угощение предназначалось тебе! А ты, насколько я помню, терпеть не можешь приторные сладости, — совершенно серьезно возразил Хиромаса.

Сэймэй посмотрел на него с легким удивлением.

«Надо же, какой он бывает чуткий при всей своей простоте...» — подумал он.

— Да мне-то что... Сладко, солено — без разницы, лишь бы тебе пришлось по вкусу! — искренне рассмеялся Хиромаса.

— Ах, Хиромаса... — Сэймэй покачал головой, не сводя с него взгляда.

— Что такое, Сэймэй? — непонимающе моргнул тот.

— Ничего. Просто... ты удивительно славный человек.

Обряд вежливой пикировки завершился тем, что Сэймэй пододвинул к другу нетронутый поднос Мицумуси.

— Вот, отведай-ка лучше это.

— О! Это ты приготовил для меня?

Хиромаса радостно блеснул глазами. Он тут же схватил пирожок и целиком отправил его в рот.

— Ух, как сладко! Объедение! Постой... Сэймэй, ты же сам к сладкому не прикасаешься. Неужели... неужели ты и правда раздобыл это специально для меня? До чего же ты заботлив! Обещаю, я съем всё до последней крошки!

Воин блаженно и по-детски счастливо улыбнулся.

— Еще чего... Вовсе нет, — безжалостно разрушил иллюзию Сэймэй, шутливо закатив глаза. — Просто они оказались невыносимо сладкими, а выбрасывать жалко — вот я и решил скормить их тебе.

С этими словами он подцепил палочками изящный рулетик из рыбы-аю, принесенный гостем, и со вкусом принялся жевать.

— Сэймэй, ну и язва же ты!.. Ладно, пусть так! Всё равно всё съем. Считаю это моим скромным подвигом ради твоего избавления от ненавистной приторности! — хохотнул Хиромаса.

Они переглянулись. Сэймэй смотрел на друга с нескрываемой теплотой; Хиромаса отвечал ему тем же бесхитростным взором. Несколько мгновений они молча созерцали друг друга, а затем одновременно покатались со смеху.

Мицумуси, тихонько улыбаясь, поставила перед ними кувшин с сакэ и наполнила чаши.

— Сэймэй, ты бы не усердствовал с вином с самого утра. Поешь лучше плотнее, — заботливо проворчал Хиромаса.

— Хорошо. Мицумуси, принеси нам чаю, — мягко скомандовал хозяин.

— Сию минуту, господин, — отозвалась дух-помощница и проворно заварила свежие листья.

— Слушай, Сэймэй...

— М?

— Изгнание тварей из императорского дворца... Всё ведь уже закончилось, верно? — с надеждой спросил воин.

Сэймэй помрачнел.

— Если бы всё было так просто. Боюсь, эта нечисть только-только готовится нанести решающий удар.

— Значит... тебе снова грозит... — пробормотал Хиромаса себе под нос, растеряв всю веселость.

— Грозит ли мне опасность? — закончил за него мысль Сэймэй.

Хиромаса лишь удрученно опустил голову.

— Без сомнения, — ровным голосом ответил мастер Инь-Ян. — И, скорее всего, хлопот будет неупророт.

— Но тогда... — Хиромаса вскинул на него тревожный взор.

— Не беспокойся, — перебил его Сэймэй с ободряющей улыбкой. — Я ведь обещал тебе, что мы вместе сбережем покой Хэйан-кё. Какие бы невзгоды ни ждали нас впереди, мы со всем справимся.

— Да! Мы обязательно справимся! — твердо кивнул Хиромаса, сжимая кулаки.

Сэймэй тихо усмехнулся, глядя на его неумный пыл.

— А вот и предвестники тех самых хлопот, — вздохнул Сэймэй.

— О чем ты? — опешил воин.

И тут же у ворот раздался тяжелый стук копыт и скрип колес запряженной быками повозки. Кто-то настойчиво постучал в калитку.

— Господин Сэймэй дома ли? Я дворцовый вестник! Скажите, не здесь ли пребывает благородный господин Минамото-но Хиромаса?

Мицумуси бесшумно выскользнула навстречу и отворила ворота.

— Какое счастье, что оба господина на месте! — облегченно вздохнул запыхавшийся гонец. — Экипаж подан. Его Величество приказывает господину Хиромасе и господину Сэймёу незамедлительно явиться в Зал Прохлады для срочной аудиенции.

Сэймэй сокрушенно покачал головой и поднялся на ноги.

— Ну что, Хиромаса, пора в путь. Кажется, наши дурные предчувствия начинают сбываться прямо сейчас.

— Как? Неужели это из-за... — воин растерянно поднялся следом.

— Держи-ка, — прервал его Сэймэй.

Тонкими, изящными пальцами он подхватил с подноса пирожок с красными бобами и поднес к лицу. Он едва коснулся алыми губами сладкой глазури, когда втягивал нежный аромат выпечки.

— Ты все утро хлопотал и, должно быть, проголодался. Эта сладость выглядит на редкость соблазнительной. Тебе точно понравится.

— Это... это мне? — пробормотал Хиромаса, заворуженно принимая лакомство. Он на мгновение засмотрелся на губы друга.

— Господа, сообразовайте поторопиться, — тактично напомнил вестник.

Сэймэй мягко увлек за собой все еще пребывающего в оцепенении Хиромасу, и вскоре их повозка уже катилась по направлению к императорскому дворцу.

В полумраке покачивающегося экипажа Хиромаса благоговейно достал шелковый платок, завернул в него подаренный пирожок, точно драгоценную реликвию, и бережно спрятал за пазуху.

Сидящий напротив Сэймэй лишь тихонько посмеивался в кулак, забавляясь этой сценой.

— Да ладно тебе смеяться, Сэймэй! Если во дворце опять стряслось что-то скверное, мы застрянем там до позднего вечера. Зато теперь у меня есть твой гостинец, так что голодная смерть мне не грозит. Кстати... если ты проголодаешься, я могу поделиться с тобой половинкой.

Он с улыбкой покачал головой.

— Уволь. Раз уж я отдал его тебе, владей им безраздельно.

Хиромаса, серьезный, как ребенок, бережно прижал ладонь к груди, проверяя, на месте ли заветный сверток. Наблюдая за этими трогательными ужимками, Сэймэй больше не мог сдерживаться и беззвучно зашелся от смеха, согнувшись пополам.

Хиромаса гордо вскинул подбородок, явно довольный произведенным эффектом, но вскоре и сам не выдержал, заговорщицки ухмыльнувшись:

— Ну вот, главное, что тебе весело!

Зал Прохлады

Когда они миновали дворцовые ворота и вошли в просторную залу Сэйрёдэн, выяснилось, что весь цвет столичного чиновничества уже в сборе. Придворные сбились в кучки, вполголоса и с

явным беспокойством обсуждая причину столь поспешного созыва.

— Господа, займите свои места. Его Величество вот-вот прибудет, — громогласно объявил распорядитель.

Собрание тут же чинно разбрелось по циновкам в строгом соответствии с рангами.

Но Хиромаса, проигнорировав все правила приличия, тихонько примостился рядом с Сэймэем в самом конце залы.

— Господин Хиромаса, — шепнул ему он, — здесь места для чинов пятого ранга. Вам надлежит сидеть впереди, среди вельмож третьего ранга.

— Да какая разница? Сегодня вообще-то выходной день, серьезных дел быть не должно. Хочу сидеть с тобой, и точка! — упрямо буркнул Хиромаса.

— Ох, сладу с тобой нет... Что ж, воля ваша, господин Минамото третьего ранга, — Сэймэй лишь обреченно вздохнул.

— Ну сам посуди, если мы сядем вместе, я смогу спросить у тебя, если чего-то не пойму, — продолжал шептать воин.

Сэймэй притворился, что не слышит его.

— И вообще... — заговорщицки добавил Хиромаса, придвинувшись ближе. — Здесь, на задних рядах, удобнее стащить пирожок из-за пазухи, никто и не заметит!

Сэймэй прыснул, поспешно прикрыв лицо расписным веером-летучей мышью, чтобы скрыть неуместное веселье.

Шум мгновенно стих. В залу величественной поступью вошел император Мураками.

Опустившись на возвышение, монарх обвел строгим взглядом притихших подданных.

— Мои верные советники, — звучный голос правителя разнесся под сводами залы. — Я созвал вас столь спешно ради объявления государственной важности.

Среди присутствующих вновь пробежал взволнованный шепот.

— Тишина! — зычно прикрикнул распорядитель, и в помещении воцарилось мертвенное безмолвие.

Выдержав паузу, император продолжил:

— Мое решение непреклонно. Отныне наложница Анки возводится в ранг Первой дамы императорского двора. Ей поручается ведение всех дел женской половины дворца взамен императрицы Анси. Ей будут подчиняться все прочие супруги, фрейлины и служанки.

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Зала взорвалась растерянными и возмущенными возгласами.

— Что за вздор? Кто вообще эта Темная принцесса?

— Разве она не безродная простолюдинка?

— Поговаривают, она бродит по галереям в черных одеждах, словно призрак!

— Боги, неужели Его Величество околдован злыми духами?

Глашатай выступил вперед, призывая собравшихся к порядку.

— Такова моя воля, и вы обязаны ей подчиниться, — холодно отрезал император Мураками. — А теперь приветствуйте наложницу Анки.

Пересуды мгновенно смолкли. Все взоры устремились к дверям, откуда в сопровождении свиты придворных дам медленно выплывала загадочная фигура.

Облаченная в тяжелые черные шелка, госпожа Анки поднялась к возвышению и опустилась по правую руку от государя. Весь двор замер, пытаясь рассмотреть новоявленную фаворитку.

И лишь Хиромасе не было дела до придворных тайн. Ранний подъем и утренняя суeta сморили воина: он безбожно клевал носом, то и дело наваливаясь плечом на Сэймэя.

Лицо госпожи Анки скрывала плотная полупрозрачная вуаль черного цвета, не позволявшая разглядеть ни единой черты.

— Вопрос решен, споры излишни, — повторил государь, намереваясь завершить церемонию.

Но тут из рядов высшей знати выступил мужчина. Его голос прозвучал дерзко и властно:

— Ваше Величество! Позвольте высказаться. Подобное облачение для столь высокого сана — неслыханное неуважение к двору! И отчего эта женщина прячет лицо? Не потому ли, что под вуалью скрывается безродная самозванка или, чего доброго, нечистый дух?

— О, я гадала, кто же первым подаст голос... — из-под темного шелка раздался вкрадчивый девичий смешок, от которого у многих поползли мурашки. — Оказывается, наш многоуважаемый Левый министр, господин Фудзивара-но Моротада.

До появления Анки именно дочь Левого министра, принцесса Ёсико, хозяйка Павильона Ослепительного Сияния, пользовалась безграничной благосклонностью государя.

— Действительно, это я, — твердо ответил министр, не отводя глаз.

— Что, господин Моротада, обидно за родную дочь? Решили заступиться за ее увядающую славу? — насмешливо бросила наложница.

— Я пекусь исключительно о безопасности и здравии Его Величества! — парировал Фудзивара.

— Какая дерзость... Как она смеет так разговаривать с Левым министром?! — вновь зароптали придворные.

— Хватит! До чего же вы крикливые и нудные создания! — внезапно выкрикнула Анки.

Она резко поднялась со своего места и сошла по ступеням в самый центр залы.

— Что ж, вы сами напросились. Раз вам так не терпится взглянуть на мое лицо — смотрите!

Одним плавным, тягучим движением она сорвала черную вуаль. Она хищно и маняще улыбнулась.

— Ну как? Разве эта красота не заслуживает того, чтобы само время остановило свой бег?

Ее облик и впрямь лишал дара речи. Бездонные, колдовские глаза, чувственные алые губы, влажный блеск которых манил к себе, и водопад смоляных волос, обрамляющий безупречный овал лица. Красота этой женщины была подобна яду — смертоносному и сладкому.

Придворные, точно громом пораженные, замерли на своих циновках. Их взгляды остекленели, дыхание перехватило.

Зала погрузилась в морок оцепенения.

Анки торжествующе расхохоталась, и этот смех, лишенный прежней сладости, зазвучал жутко и раскатисто.

— Жалкое, ничтожное стадо! Вы думали тягаться со мной? Я — великая лисица с

тысячелетним паломничеством за плечами, а вы лишь бренный прах под моими ногами!

Сэймэй мгновенно подобрался, его расслабленность как ветром сдуло.

«Дело дрянь... Она подчинила их волю лисьим наваждением», — пронеслось в его мыслях.

— И долго ты намерен прятаться в тени, Абэ-но Сэймэй? — Анки повернула голову в его сторону и прищурилась. — На твой искушенный разум мои чары не действуют, я знаю это.

Холодно ухмыляясь, она неспешно направилась к нему.

Сэймэй с шелестом поднялся на ноги, преграждая ей путь.

— Так я и думал. Черная лисица собственной персоной. Советую тебе умерить свой пыл, иначе мне придется прибегнуть к силе.

Анки остановилась в нескольких шагах от него. Ее взгляд так и лучился самодовольством.

— Ха-ха-ха! Оглянись вокруг, Сэймэй. Все эти вельможи, включая твоего ненаглядного императора, теперь послушные куклы в моих руках. Наш родовой приворот безупречен. Уж тебе-то, полукровке, это должно быть отлично известно!

— Я не опускаюсь до столь грязного колдовства, — брезгливо процедил Сэймэй.

— Ой ли? — Анки кокетливо склонила голову набок и лукаво усмехнулась. — В прошлый раз я едва не сожрала твою душу, но признаюсь — меня слишком отвлекла твоя исключительная красота. Я упустила шанс, засмотревшись на тебя. Но сегодня тебе не уйти. И помнится... ты задолжал мне поцелуй.

Сэймэй окинул ее ленивым, издевательским взглядом.

— Вот как? Что ж, попробуй заberi, если духу хватит.

— Ах, как ты хорош, когда смеешься... — завороченно прошептала Анки, подаваясь вперед. — Столько дерзости, столько яда. Смотрю на тебя — и сердце кровью обливается от любви и ненависти одновременно. Твой взгляд, этот излом бровей... Ты до безумия похож на нее.

Сэймэй мгновенно посерьезнел.

— «На нее»? Ты говоришь о моей матери, Кузунохе?

— Именно! — лицо ведьмы исказилось гримасой чистейшей злобы. — О подлой твари, разрушившей всё! Ну ничего. Свои долги белая лисица Кузуноха выплатит мне через своего ненаглядного, смазливового сына!

— Кто ты такая? Какая кошка пробежала между вами? — ледяным тоном спросил Сэймэй.

— Тебе незачем знать мое имя, — прищурилась Анки. — Мечтаешь выведать мое истинное имя, чтобы связать проклятием, сладкоголосый мастер Инь-Ян? Не выйдет.

Сэймэй промолчал, продолжая буравить ее тяжелым, немигающим взглядом.

— Твоя мать была непроходимой душой! — выплюнула черная лисица. — Обладать такой силой, такой неописуемой красотой — и растратить всё ради любви одного ничтожного смертного мужлана! Какое убожество! То ли дело я. Моя красота подчинит себе весь мир. Хэйан-кё падет к моим ногам, я стану его безраздельной владычицей, а вся эта напыщенная знать обратится в моих покорных псов!

— Твоим безумным мечтам не суждено сбыться, — ровно оборвал ее Сэймэй.

— Неужели? Ну так давай проверим! — Анки вновь расплылась в приторной, маслянистой улыбке, вплотную приближаясь к Сэймэю. — Впрочем, ты слишком прекрасен, чтобы я губила тебя. Если согласишься делить со мной ложе, ублажать меня и беспрекословно повиноваться — обещаю, я пальцем тебя не трону. Ты будешь править этим миром вместе со мной.

Сэймэй тихо, зловеще усмехнулся.

— Какая поразительная самонадеянность. Если хочешь заполучить мое тело — попробуй возьми.

Анки мгновенно перестала улыбаться, глядя на него с темной, потусторонней злобой. Она процедила сквозь зубы:

— Береги свои сладкие губы, Абэ-но Сэймэй. Ибо очень скоро они станут моими. Ты весь будешь принадлежать мне.

Лисица буравила его бешеным взглядом, готовая разорвать на части. Сэймэй отвечал ей тем же холодным, колющим взором, готовый отразить любой удар.

В Зале Прохлады воцарилась гробовая тишина. Десятки придворных застыли безмолвными изваяниями, превратившись в безжизненные декорации для этой немой дуэли. Слышалось лишь прерывистое дыхание соперников да глухой, ускоряющийся стук их сердец.

Воздух вокруг них сгустился, зазвенел от невидимого напряжения и сделался смертельно холодным.

<http://bllate.org/book/20464/2214904>